

РОМАН ЭЖЕНА СЮ «ВЕЧНЫЙ ЖИД» И ЕГО РУССКИЕ ЧИТАТЕЛИ

К. А. Чекалов

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

Поступила в редакцию 5 августа 2019 г.

Аннотация: в статье рассматривается история публикации знаменитого романа Эжена Сю «Вечный жид» и его рецензии русскими критиками и читателями XIX века.

Ключевые слова: Эжен Сю, роман, мелодрама, иезуиты, массовое чтение, критика

Abstract: the article considers the history of publication of Eugène Sue's famous novel «The Wandering Jew» and his reception by Russian critics and readers in XIX century.

Keywords: Eugène Sue, novel, romance, jesuits, mass reading, criticism

Вслед за сногшибательным успехом романа «Парижские тайны», когда «кабинеты для чтения и кафе брались штурмом» [1, 72], появления на свет нового и еще более масштабного сочинения Эжена Сю ожидали с особым волнением. Первая публикация романа «Вечный жид» на страницах газеты «Le Constitutionnel» (с 25 июня 1844 по 26 августа 1845 года) сопровождалась скандалом. Первоначально предполагалось, что текст книги опубликует газета Эмиля Жирандена «La Presse» (в 1836 году проложившая дорогу французскому роману-фельетону публикацией «Старой девы» Бальзака). В номере этой газеты от 2 мая 1843 года совершенно определенно сообщалось, что роман Эжена Сю «Вечный жид» начнет печататься на ее страницах в сентябре или октябре **текущего года**. Однако всё получилось иначе.

Подробный и даже скрупулезный рассказ о происшедшем содержится в одном из писем русского литератора, соредатора «Библиотеки для чтения» Владимира Солоницына (1804–1844) — он погиб еще прежде того, как роман полностью вышел в свет, но (будучи большим поклонником «Парижских тайн») при жизни внимательно следил за складывавшейся вокруг «Вечного жида» ситуацией. «Вообразите, что Eugène Sue продал свой роман книгопродавцу Gosselin только за 30 000 [имеется в виду роман «Парижские тайны». — К. Ч.] <...> Зато и Сю теперь стал умнее: он пишет новый роман, также в десяти томах, под заглавием *Le Juif errant* и уж не намерен продешевить его. Журнал *La Presse* давал по 50 сантимов за фельетонную строчку, потом по 5000 франков за том, сколько бы их не было. Сю не согласился и продал издателю Верону за 100 000 франков» [2, 105].

И действительно, выкупивший в 1844 году газету «Le Constitutionnel» журналист Луи-Дезире Верон предложил знаменитому писателю за публикацию «неслыханный гонорар, повергавший в трепет всех его [Сю. — К. Ч.] современников» [3, 37]. Несомненно,

именно Верон являлся вместе с тем и заказчиком романа, определившим его чрезвычайно большой объем [4, 20]. Во всяком случае, в письме Сю от 21 февраля 1844 года Верон предписывает: «Вечный жид» должен включать в себя не менее десяти томов [5] (Сю изначально планировал четыре; в итоговом варианте книга состоит из шестнадцати). В марте 1844 года состоялся судебный процесс вокруг передачи прав на публикацию книги, который был выигран Эженом Сю. «Этот конфликт, несомненно, позабавит публику», — отмечалось в газетном отчете о процессе [6]; так оно и вышло. В августе того же года издатель Paulin выпустил первый том книжной версии «Вечного жида» (всего вышло десять томов, притом отнюдь не дешевых — они продавались по семь с половиной франков каждый; в скором времени появился доступный широкой публике вариант — 80 отдельных выпусков по 16 страниц стоимостью пять сантимов каждый). Роман очень оперативно был переведен в Англии, Германии, России, Испании, Португалии, Нидерландах, Италии и Швеции.

В «Вечном жиде» еще сильнее, чем в «Парижских тайнах», выражена социально-критическая составляющая, причем она складывается из двух элементов:

- исключительно резкая, тщательным образом артикулированная критика иезуитов;
- выдержанная в русле фурьеризма и сенсимонизма критика бедственного положения пролетариев и возобновление уже сформулированного ранее в «Парижских тайнах» лозунга «Если бы богатые знали!».

Как полагает Мария Адамович, восприятие романа во многом было обусловлено антиклерикальной направленностью газеты «Le Constitutionnel» и ее погоней за сенсациями [4, 30]. Замысел книги всецело определялся веяниями времени: тогдашняя либеральная пресса («Le Journal des Débats», «Le Siècle», «Le National», «Le Constitutionnel») бесперебойно поставляла читающей публике все новые доказательства пагубной деятельности иезуитов и предлагала

выступить против них (и ортодоксальной католической газеты «L'Univers») единым фронтом. С другой стороны, весьма симптоматично, что за год до выхода в свет «Вечного жида» Жюль Мишле и Эдгар Кине выпустили резкий памфлет «О иезуитах», снискавший огромный успех во всей Европе (об идеологическом фоне романа подробнее см. [7, 196–197]).

На этом идеологическом фоне становится понятной весьма дискуссионная трактовка «Вечного жида», сформулированная некогда шедшим по стопам Сю популярнейшим писателем Полем Февалем (уже после своего религиозного обращения): ««Вечный жид» представлял собой замысел Рокеплана [в 1827–1832 годах редактор «Le Figaro», известный денди, неустанно изрыгавший проклятия против иезуитов на страницах печати. — К. Ч.], возвращенный доктором Вероном и поставленный в печь по его заказу. Сам доктор Верон против иезуитов ничего не имел, как и Эжен Сю» [8, 7].

Независимо от того, по чьей именно инициативе книга оказалась перенасыщена «иезуитофобией» (термин это возник еще до завершения газетной публикации «Вечного жида»), роман читается как чрезвычайно суровый приговор ордену, вознамерившемуся поставить под свой контроль всю Францию. Даже столь ревностный и воинственный приверженец католицизма, каким был руководитель упоминавшейся выше газеты «L'Univers» Луи Вейо, вынужден был признать исключительную действенность предпринятой в романе атаки на иезуитов (письмо графу М. от 29 октября 1847 года): ««Вечный жид» задел вас за живое; то же случилось и со многими! Когда я вижу, как множество приличных господ, которые три года тому назад любили и защищали иезуитов, ныне нападают на них и желают им разориться, я могу лишь изумляться — сколь могущественным, по произволению Божию, может быть воздействие зла на убогий наш мир! Да что же они такого натворили, эти иезуиты, чтобы за три года так провиниться? Их попросту оклеветали бандиты, которых мы даже и приветствовать не станем при встрече на улице» [9, 334].

Современный французский историк М. Леруа считает, что Эжен Сю искусно собрал в своем романе многие уже сложившиеся к тому времени, относящиеся к иезуитам стереотипы: «вредоносное тайное общество, могущественное и разветвленное, которое преступными способами добивается богатства и власти, протестантское семейство, несколько поколений которого подвергаются гонениям, присвоение наследства, исповедь как средство подчинить женщину власти священника» [10, 112].

Как же был воспринят роман в России — стране, где деятельность иезуитов находилась под запретом в соответствии с указом Александра I?

Не только В. А. Солоницын, но и многие приверженцы прозы Сю еще до выхода в свет романа сле-

дили за разворачивающимися вокруг публикации событиями. Разумеется, болгаринская «Северная пчела», с давних пор испытывавшая повышенный интерес к творчеству французского писателя, оперативно отреагировала на историю с продажей романа Верону [11], а затем, когда Матвей Ольхин выпустил первый русский перевод «Вечного жида», опубликовала на него рецензию. Ее автор скрывался под аббревиатурой «Я.Я.Я.»; речь идет о беллетристе и критике Л. В. Бранте. Рецензия отнюдь не апологетична.

«Еще в «Матильде» (один из самых популярных романов Эжена Сю, опубликованный в 1840–1841 г. — К. Ч.) критика заметила поползновения автора сказочному интересу, заманчивому сцеплению обстоятельств приносить в жертву правдоподобие, естественность и психологическую истину; в «Парижских Тайнах» это жертвоприношение отличалось уже изрядною смелостью, а в «Вечном жиде» достигло степени безоглядности и безотчетного произвола. Роман больше года тянулся в фельетоне газеты; очевидно, что фантазия Сю лепила происшествия не вследствие строго обдуманного плана, а по мере случайных ее проявлений, которых он не имел времени порядочно обсудить и осуществить в формах логической изящности и сосредоточенности. Отсюда растянутость и многосложность романа, чрезвычайное обилие действующих лиц, вставка эпизодов, не представляющих прямой, естественной связи с целым; отсюда характеры маловероятные; то слишком бледные, то ненатурально яркие, носящие более признаков произвольного изобретения, нежели сходства с действительностью» [12, 918].

К слову сказать, отнюдь не все исследователи (особенно в XX веке) разделяют мнение рецензента касательно хаотичности нарративной структуры книги. Иные полагают, что именно «Вечный жид», в отличие от других «больших» романов писателя, был написан по заранее установленному плану [13, 134]; отмечают, что романная конструкция «Вечного жида» отличается чрезвычайной изошренностью и продуманностью [14, 57]. Между тем Леопольд Брант, начав свою рецензию «за упокой», в дальнейшем переходит к похвалам. И надо сказать, что к несомненным достоинствам книги критик относит прежде всего впечатляющее описание деятельности последователей Игнатия Лойолы:

«Изображение иезуитов, их характер, козни, коварство, пагубное влияние на тех, кто, по несчастью, подчиняется их доверенности или подпадает их преследованию — составляют блистательные страницы «Вечного жида»» [12, 919].

При этом, однако, Брант полностью обходит «социалистическую» составляющую романа, что следует связывать с идеологической направленностью «Северной пчелы» [15, 289].

В статье «Русская литература в 1844 году» Виссарион Белинский высказался о «Вечном жиде» кра-

тко, но опять-таки сделав акцент на «антииезуитской» составляющей книги: «Что до романа — основа его нелепа, но подробности большею частью очень занимательны; в рассказе много жара и движения, но много сентиментальности и надутой пошлости. Главный интерес этого романа для французов заключается в нападках на иезуитов. Впрочем, с этой стороны, роман Эжена Сю интересен не для одних французов» [16, 483].

Несколько позднее в своей рецензии на роман Сю «Тереза Дюнойе» (1847) Белинский вновь упоминает «Вечного жида» и дает следующую оценку религиозно-политическому содержанию романа: «Важность иезуитов, сила их влияния мелодраматически преувеличена; это еще куда ни шло, по крайней мере цель автора была хороша и похвальна; но к чему приплел он тут легенду о Жиде и Жидовке? И что он ею сделал? — насмешил всех, потому что впал через нее не только в неестественность рассказа, но еще и в риторическую надутость изложения» [16, 282].

Действительно, мелодраматические нарративные ресурсы были в высшей степени для Эжена Сю на всех стадиях его творчества, начиная с ранних «морских» романов. Но нет никаких оснований усматривать в этом только лишь недостаток литературного мастерства автора, как это делает Белинский. Странно, что маститый критик игнорирует присутствующую в романе и заметную даже неискушенному читателю подсказку: всё происходящее не раз уподобляется сценическому действию.

С другой стороны, нельзя не согласиться с тем, что Сю несколько искусственным образом соединяет бытовой пласт повествования с трансцендентным (история Вечного жида и Иродиады, которая в версии писателя оказывается сестрой Агасфера, оказывается трактована в русле христианского социализма). Но это, несомненно, своеобразная дань романтической эстетике. Много позднее Гроссман характеризовал указанную особенность романа так: «традиционная романтическая смесь фантастики с реальным, которая в «Вечном жиде» сказывается в странном замысле поместить в Европе XIX столетия воскресшие образы Саломеи и Агасфера» [17, 14].

Насколько нам известно, из всех отечественных журналов 1840-х годов наиболее подробный анализ романа осуществил «Москвитянин». В своей рецензии на книгу переводчик и писатель Михаил Николаевич Лихонин (1802–1864) довольно проникательно разбирает достоинства и изъяны нарративной конструкции «Вечного жида». Но было бы странно, если бы журнал М. П. Погодина, с учетом его идеологической направленности, этим и ограничился. И действительно, главное в рецензии Лихонина — констатация исподволь (возможно, даже бессознательно) произведенной автором романа роковой подмены: «Чего он может быть и сам не подозревал — борьба под предлогом Иезуитского ордена

не только с *Католицизмом*, но и с самим *Христианством*» [18, 266]. «Читатель, приведенный в ужас злодейским направлением всех лиц этой партии, которая заключает в себе все классы: и аристократию, и простой народ (потому что у них есть из них шпионы) — ненавидит их, и не чувствительно, под именем иезуитского собратства, впитывает в себя тонкий яд ненависти и неуважения к самому Христианству, приучаясь в нем видеть только одни бездушные и ни к чему не ведущие формы» [18, 271].

Разумеется, в этом мнении Лихонин был отнюдь не одинок. Его в полной мере разделяли и многие французские литераторы клерикального направления.

Между тем есть все основания считать, что для большинства русских читателей «памфлетный» идейный фон романа оказался гораздо менее важен, чем для французов — в книге их в первую очередь привлекала занимательность сюжета. Обе выделенные нами темы оказались в глазах массового читателя второстепенными, но особенно — вторая, «фурьеристская» [19, 248]. В этом смысле нам кажется весьма интересным анонимный текст, помещенный в десятом томе первого русскоязычного издания романа (разделение на тома здесь не соответствует авторскому). Аноним — несомненно, выражающий точку зрения «Библиотеки для чтения» — кратко характеризует творчество Эжена Сю и его место во французской литературе. Приводится достаточно подробный пересказ романа и обзор основных персонажей, что представляется полезным для читателей романа-фельетона (тем самым публикатор отчасти берет на себя авторские функции, ведь обычно сам Сю «напоминает уже сказанное, потому что публика, вероятно, уже что-то подзабыла» [20, 81]). Наконец, мы находим здесь следующую примечательную констатацию: «Не должно думать, что одною целью Евгения Сю была война против иезуитов. Если он преследовал с энергией неутомимого критика это общество, которого прошедшее должно заставить нас защититься от будущего; если он открыл перед целым миром сокровеннейшие извороты иезуитского лабиринта, то будьте уверены, что это не только для того, чтобы кончить свою книгу желанием уничтожения общества иезуитов. Не избывая их целью сочинения, он ввел иезуитов в свой роман потому только, что видел в них пример чудес, могущих произойти от сосредоточения индивидуальных сил, действующих по положительным, неизменным правилам. Чтобы доказать читателям, что он преследовал не химеру и не идеал невозможной, фантастической организации, он вывел наружу все чудные пружины иезуитского механизма, желая объяснить, что дух добра может извлечь из умного соединения сил человеческих, если общество иезуитов, которым поэт олицетворяет дух зла, могло достигнуть такого громадного могущества только

одним энергичным и редким направлением своим к единству» [21, 4].

Во многом автор этого анонимного текста прав. Эжен Сю, начиная с ранних своих сочинений, испытывал сильную зависимость от «неистового романтизма», от характерного для этой литературной школы нагнетания ужасного, резкой антитезы добра и зла, трактованных в абстрактно-метафизическом ключе. Так происходит и в «Вечном жиде». Главный отрицательный герой романа, иезуит Роден — прямой наследник романтических злодеев, социально не детерминированных или слабо детерминированных (как злодей Шаффи в морском романе Сю «Саламандра», 1832). При всей его демонстративно убогой, невыразительной внешности (стремясь подчеркнуть эту приземленность и обыденность, автор заставляет его постоянно грызть ногти) Роден способен творить изощренное, поистине сатанинское зло. Злу этому противостоит добро, но оно сильно уступает злу именно в степени своей организованности — и потому большинство положительных героев романа гибнет (в «Вечном жиде» доминирует траурная интонация).

Но не в одном Родене и не в одних иезуитах тут дело. Впечатляющая картина не только социального, но и метафизического, словно бы разлитого в самой парижской атмосфере (да и не только парижской — весьма значимые для книги эпизоды разворачиваются в Индии) зла делают этот роман Эжена Сю зловещим, в лучших своих эпизодах мастерским пророчеством в дальнейшем обрушившихся на человечество бед — их символом становится охватившая Париж холера (здесь Сю опирается на реальные факты — эпидемия 1832 года унесла жизни около 19000 парижан), описание которой принадлежит к самым потрясающим сценам книги. Линчевание обезумевшей толпой исполина Голиафа, ее готовность растерзать аббата д'Эгриньи даже в непосредственной близости к алтарю — всё это сильно напоминает о кровавых расправах, имевших место как в революционные годы во Франции, так и в начале двадцатого столетия в России. В то же время документальная основа присутствует и здесь: «когда народ поверил в то, что холеру сеют отравители, на улицах разразились страшные сцены народной ярости и безумия» [22, 530].

Атгестация «Вечного жид» Клодом Витковским как «целого микрокосма» и «человеческой трагикомедии» [1, 305] не лишена оснований; не достигая характерной для Бальзака глубины социально-психологического анализа современности, Сю с большой силой воссоздает детальную панораму взаимоотношений и взаимодействий расположенных на различных социальных ярусах героев, от фабрикантов до скромных ремесленников, от аристократов до белошвеек; всем им предстоит ощутить тлетворный запах смерти, источаемый Роденом.

Эжен Сю неоднократно сравнивает своего персонажа с трупом. Роден — выходец из мира мертвых, восставший против рода людского зомби; когда он — первым из парижан — заболевает чумой, с ним происходит чудовищная зримая метаморфоза, заставляющая вспомнить самые кошмарные страницы произведений Эдгара По (не столько даже «Маску Красной Смерти», сколько рассказ «Правда о том, что случилось с мистером Вальдемаром»). Смертоносная болезнь влияет на Родена подобно магнетическому или месмерическому воздействию; вопреки ожиданиям читателя, он не умирает (здесь уже действует не столько метафизическая, сколько чисто нарративная логика: Родену предстоит погибнуть в финале романа, причем от руки отравителя Феринджи, представленного как alter ego злодея «Вечного жид»).

Мы отклонились от темы рецепции романа в России с тем, чтобы показать, что «Вечный жид» (пусть и тесным образом связанный с поэтикой романа-фельетона) не соответствует расхожему представлению об этой книге как бессодержательном «бульварном» сочинении. Между тем факт остается фактом: большинство отечественных читателей прошли мимо заключенной в «Вечном жиде» социальной и экзистенциальной проблематики. А ведь, по мнению Е. Ю. Сапрыкиной, в романе «дан аллегорический образ всего человечества» и «переосмыслен в духе романтической амбивалентности сам мифообразующий мотив божественного проклятия и его искупления» [7, 198].

Удивительно и другое: вне поля зрения наших критиков и читателей остались связанные с Россией и русскими эпизоды и персонажи «Вечного жид». Сказанное относится, в частности, к весьма нелицеприятному образу русского по происхождению героя — укротителя диких зверей Морока (его принципиально важная роль в повествовании подчеркнута появлением персонажа на первых же страницах книги). Сатанинское начало полностью определяет собой внутренний мир этого «сибиряка» (хладнокровного и расчетливого убийцы, который ближе к концу романа заболевает бешенством и фактически сам превращается в лютого зверя). Сатанизм Морока противостоит ангелическому началу сестер Розы и Бланш; но вот незадача — они воспитывались в той же сибирской глубинке и, в силу отсутствия в окрестностях храма, остались «язычницами»; еще одна тема, которая потенциально могла бы обратиться на себя взоры придирчивых отечественных аналитиков. Своего рода доброе слово в адрес русских воинов слышится от храброго солдата Дагобера: «Я предпочел бы сражаться с каре русских гренадеров, чем с дюжиной этих сутан...». Однако, насколько нам известно, русский фон «Вечного жид» остался без внимания со стороны наших соотечественников.

В результате «Вечный жид» очень скоро становится у нас своего рода символом обращенного к невзыскательной публике пустопорожного развлекательного чтива.

К примеру, в письме И. С. Аксакова своему брату, отправленном в ноябре 1845 года из Калуги, вождь славянофилов следующим образом сетует на убогий духовный мир жителей этого губернского города: «город <...> ничего не читает, а если и читает, так только «Вечного Жида» в русском переводе» [23, 228].

Когда И. С. Тургеневу требуется охарактеризовать убогий внутренний мир одного из персонажей «Записок охотника», а именно помещика Пеночкина (рассказ «Бурмистр», 1847), писатель находит для этого следующую уничтожающую характеристику: «Одевается он отлично и со вкусом; выписывает французские книги, рисунки и газеты, но до чтения не большой охотник: «Вечного жида» едва осилил» [24, 124].

Колоритный и совершенно убийственный пример «внеидеологического» восприятия «Вечного жида» русским читателем встречается в малоизвестной повести Петра Фурмана «Парголовские тайны» (1845), представляющей собой непритязательную добродушную пародию на жанр «городских тайн». Героиня повести, купеческая дочь красавица Евдоксия (подчеркнуто «романическое», комичное для русского уха имя!) побуждает своего избранника, не очень-то начитанного молодого аристократа Дмитрия Топилина прочитать и «Лондонские тайны» Поля Феваля (здесь, конечно, налицо определенная доля шутильной саморекламы: роман был переведен на русский язык именно Фурманом), и роман Сю: «Читали ли вы «Вечного Жида»? Там сказано: жить значит страдать!» [25, 328].

Разумеется, подобного рода банальная мораль становится своего рода последним гвоздем, заколачиваемым в крышку гроба «Вечного жида», казалось бы, навечно отлучаемого от «высокой» словесности.

Справедливости ради надо заметить, что книгой Эжена Сю в разное время увлекались и великие русские писатели, включая Достоевского, Чернышевского и Льва Толстого. Что касается Чернышевского, то, безусловно, его интерес к книге был обусловлен присутствием в ней социалистических идей. И всё же интерес этот оказался ограничен периодом 1840-х годов, когда будущий автор романа «Что делать?» вместе с Л. Н. Котляревской «упоенно читали» [26, 126] «Парижские тайны» и «Вечного жида». Позднее Чернышевский изменил своё отношение к Сю и, подобно многим критикам, весьма скептически отзывался о его даровании.

Показательно, что на кончину Эжена Сю 3 августа 1857 года отечественная пресса почти не отреагировала — за одним существенным исключением. На страницах «Современника» был опубликован пространный и весьма сочувственный анонимный

некролог, в самом начале которого фигурировали персонажи «Вечного жида» (мы цитируем электронную версию, исправляя опечатки и модернизируя орфографию): «Не один, может быть, из впечатлительных читателей просиживал во время оно ночи напролет, следя с лихорадочным волнением за приключениями Розы и Бланки и кознями ужасного Родена; не одна, может быть, слеза упала из женских глаз на страницы, содержащие в себе рассказ о страданиях очаровательного принца Джальмы и златокудрой Адриенны де Нардовилль, — а потому мы думаем, что несколько сведений о жизни автора «Парижских тайн» и «Вечного Жида» прочтутся не без любопытства» [27, 103].

Таким образом, и в некрологе Сю предстает прежде всего как мастер увлекательной остросюжетной интриги. Это весьма симптоматично, ведь во Франции к концу XIX столетия «Вечный жид» воспринимался как книга революционного содержания, а установленный в 1907 году в городе Анси (где прошли последние годы жизни писателя) памятник представлял собой аллегорическую композицию, навеянную именно «Вечным жидом». Тем не менее, в России заключенный в романе идеологический «message» по-прежнему не был востребован, и для исправления ситуации потребовался мощный залп в виде четырехтомного издания книги, выпущенного издательством «Academia» в 1933–1936 годах и превратившего «Вечного жида» в «Агасфера» (подробнее об этом проекте см. нашу статью: [28]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Witkowski Claude. Les éditions populaires / Claude Witkowski. — P.: GIPPE, 1997. — 429 p.
2. Солоницын В. А. Из переписки В. А. Солоницына и Е. П. Майковой // «Лица», вып. 8. СПб: Дмитрий Буланин, 2001. — С. 53–133.
3. Данилин Ю. Эпоха сороковых годов и «Агасфер» Эжена Сю / Ю. Данилин // Сю Э. Агасфер. Пер. с фр. Е. Ильиной. Том I. — М.: Terra, 1996. — С. 5–42.
4. Adamowicz-Hariasz Maria. Le Juif Errant d'Eugène Sue: du roman-feuilleton au roman populaire / Maria Adamowicz-Hariasz. — New York-Queenston: Edwin Mellen Press, 2001. — 210 p.
5. Tribunaux. M. Dujarier, gérant du journal «La Presse», contre M. Eugène Sue // La Presse, 29.02.1844, p. 3.
6. M. Eugène Sue. Le juif errant // Le Constitutionnel, 01.03.1844. P. 2.
7. Сапрыкина Е. Ю. Блеск и нищета «больших» романов Эжена Сю / Е. Ю. Сапрыкина // Французская литература 30-х — 40-х годов XIX века. «Вторая проза». — М.: Наука, 2006. — С. 175–217.
8. Féval Paul. Jésuites! / Paul Féval. — P.: Albin Michel, 1929. — 192 p.
9. Veuillot Louis. Correspondance / Louis Veuillot. Tome I. — P.: Palmé, 1884. — 475 p.
10. Леруа Мишель. Миф о иезуитах. От Беранже

до Мишле / Мишель Леруа; Пер. с франц. В. А. Мильчиной.— М.: Языки славянской культуры, 2001.— 464 с.

11. Греч Н. И. Парижские письма (окончание) / Н. И. Греч // Северная пчела, 07.03.1844.— С. 212.

12. Я.Я.Я. Русская литература // Северная пчела.— 12.10.1845.— С. 918–919.

13. Atkinson Nora. Eugène Sue et le roman-feuilleton / Nora Atkinson.— P.: Nizet, 1929.— 219 p.

14. Svane Brynja. Divertir et politiser. Le jeu du double discours dans Le Juif errant / Brynja Svane // Europe, 1982, № 643–644.— P. 56–66.

15. Данилин Ю. «Агасфер» в русской критике 40-х годов / Ю. Данилин // Сю Э. Агасфер. Пер. с фр. Е. Ильиной. Том 2. М.: Терра, 1996.— С. 286–294.

16. Белинский В. Г. Собр. соч. В 9 т. / В. Г. Белинский.— Т. 8.— М.: Художественная литература, 1982.— 783 с.

17. Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского / Л. П. Гроссман.— М.: ГАХН, 1925.— 192 с.

18. Лихонин М. Несколько заметок на книгу: Le Juif errant, Евг. Сю // «Москвитянин», 1845, часть 5, № 10.— С. 263–272.

19. Покровская Е. Б. Литературная судьба Е. Сю в России / Е. Б. Покровская // Язык и литература. Т. V. Л.: РАНИОН, 1930.— С. 227–252.

20. Эко Умберто. Эжен Сю: социализм и утешение /

Умберто Эко // Superman для масс. Пер. Ю. Н. Галатенко.— М.: Слово, 2018.— 248 с.

21. Общий взгляд на девять вышедших частей Вечно-го жида // Вечный жид. Роман Евгения Сю. Том десятый. Издание М. Ольхина. Спб.: Жернаков, 1845.— С. 3–12.

22. Мильчина В. А. Париж в 1814–1848 годах. М.: Новое литературное обозрение, 2013.— 944 с.

23. Аксаков И. С. в его письмах. Т. 1. 1838–1849 гг. М.: Русская книга, 2003.— 560 с.

24. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / И. С. Тургенев. Соч.: в 12 т. Изд. 2-е. Т. 3.— М.: Наука, 1979.— 527 с.

25. Фурман Петр. Парголово-ские тайны / Петр Фурман // Иллюстрация.— 1845.— № 21.— С. 326–328.

26. Демченко А. А. Н. Г. Чернышевский. Научная биография. 1828–1858 / А. А. Демченко.— М.: Петроглиф, 2015.— 624 с.

27. Заграничные известия. Евгений Сю // Современник.— 1857.— Т. LXV.— С. 103–109.— Режим доступа: http://az.lib.ru/s/sju_e/text_1857_su_olderfo.shtml (Время обращения: 15.10.18).

28. Чекалов К. А. От «Вечного жида» к «Агасферу». Роман Эжена Сю в русских переводах // Известия Саратовского университета. Сер. Филология. Журналистика. (В печати).

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН

Чекалов К. А., доктор филологических наук, заведующий Отделом классических литератур Запада и сравнительного литературоведения

E-mail: ktchekalov@mail.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature the Russian Academy of Sciences

Chekalov K. A., Doctor of Philology

E-mail: ktchekalov@mail.ru